

Борис Дышленко

НА ЦЕПОЧКАХ

(рассказы)

ДЕМАРКАЦИОННАЯ ЛИНЕЙ

Боль привела меня в сознание. Она впиалась в руку ниже локтя, резким треском отозвалась в мозгу, и в закрытых глазах осела красной пеной остизающего фейерверка. И еще одна, накаляя невидимую проволоку, убежала к ногам, вниз. Я очнулся.

Обычно я приходил в себя постепенно. Наполняя легкие рассеянным сигаретным дымом, я как воздушный шар медленно поднимался на кровати. Я опускал ноги на твердую поверхность пола и некоторое время сидел, и поднимая голову кулаками, собирался с силами. И только после третьего стакана чае в мое сознание по одному начинали проникать окружающие меня предметы; затем и некоторые мысли возвращались ко мне, сначала в своем искаженном виде; и наконец, я всего себя с ощущениями, с мелкими заботами, в продолжении системы моего вчерашнего существования, находил сидящим на стуле, уперевшимся руками в колени, с вытянутой вперед шеей. И неизменно в таком положении. Тогда, оглядываясь на зеркало, я принимал подобающую позу, вставал и отправлялся на работу. Я не люблю ходить на работу. Нет, на работе, в отделе-ничего, а вот ходить не люблю. Не так, чтобы именно ходить-я иногда очень люблю погулять: я и по комнате, и так, иногда, так даже бегом,- но стоять под фонарем и глядеть на падающий снег, когда мимо торопливо идут и исчезают

В утренней мгле испуганные, чужие, загадочные люди, когда все это кажется каким-то страшным, каким-то даже потусторонним, и даже сам себе кажешься потусторонним; и качаться в переполненном автобусе, сливаясь с общей вздрагивающей на ухабах массой и в то же время испытывая тоскливое одиночество — и никогда не чувствуешь такого одиночества, как в автобусе, — и выходя из автобуса, с ужасом видеть промозглый утренний свет...

Нет, против работы, в принципе, я ничего не имею. Я нахожу, что в любой работе, даже в самой скучной, есть своя прелесть. Я пожалуй, особенно в скучной работе. Пожалуй, больше, чем в любой другой, интересной. Нет, я работу люблю, и времени мне не жалко. Куда мне его девать? У меня никого нет, и поэтому иногда и я по вечерам, после работы, задерживаюсь в отделе. Просто так — посидеть, покурить, помечтать. Чтобы потом, когда никто уже не спешит никуда, спокойно отправиться домой. Домой хожу иногда я всегда пешком. Я иду обычно малолюдными улицами, хотя и боюсь собирающихся в подворотнях подростков. Просто так боюсь — меня они никогда не трогали, но вдруг...

Да, я люблю вечер, а вот утро... Оно всегда для меня мучительно. Но сегодня короткая и острая боль разбудила меня, и я понял, что мне на руку, ниже локтя упал пепел сигареты. Я даже не стал ее докуривать, я сразу вскочил. Я очень резко проснулся и вспомнил, что сегодня воскресенье.

— А-а-ах! — сказал я даже с каким-то разочарованием. — Воскресенье! Это же не надо было так рано вставать. Мне же не надо на работу? Я могу еще поспать. Да, могу поспать в свое удовольствие. Я посилю.

Я решил еще поспать. Я лег и, подавляя свою радость, чтобы она не взбодрила меня и не помешала мне заснуть, стал медленно, с наслаждением гасить сознание и почти помню, как я заснул.

Я снова проснулся, когда было уже десять часов. День, очевидно был морозный, и от солнца у меня в комнате

было ярко. Я встал и по теплому полу босыми ногами подошел к окну. Из окна был виден заснеженный двор. Напротив, на крыше флигеля, прыгали озабоченные воробьи; даже сквозь закрытое окно было слышно, как они чирикали. Я надел ботинки и тапочки и приоткрыл дверь. Прислукался: нигде не доносилось ни звука, только на кухне из-под крышки чайника капала вода. Кажется, в квартире никого не было. Наверное Александра Константиновна поехала на кладбище, Клавдия Михайловна в магазине, а Иван Иванович пошел в баню пить пиво, ну, а Антон Иванович... Антон Иванович тоже куда-нибудь ушел. Хорошо, что в квартире никого нет. Я подумал, что теперь самое время спокойно выпить чаю: не слишком крепкого, а просто для удовольствия, и за чаем что-нибудь почитать. Какую-нибудь книгу. У меня есть хорошая книга "Жизнь дяди Тома" — я часто ее перечитываю. Вот я и решил сначала хорошенько умыться, а потом выпить чаю для удовольствия и, может быть, немножечко почитать.

Я вышел на кухню: там действительно никого не было. Только кот сидел на подоконнике спиной ко мне и смотрел на улицу. Услышав мои шаги, он обернулся, прыгнул с окна на пол, потянулся и подошел ко мне. Он потерся об мои ноги. Я присел и стал гладить кота, а он в ответ заурчал, совсем как трактор. Было очень приятно гладить его жесткую серую, в черную полосочку спину. Я так увлекся, что даже стал напевать ему песенку, которую тут же сочинил, но я теперь забыл ее. Вернее, я ее тогда же и забыл, потому что она сразу вылетела у меня из головы, когда я услышал, как в прихожей в дверях поворачивается ключ в замке.

"Кто-то пришел", — подумал я.

Добраться до моей комнаты незаметным нечего было и думать, — для этого как раз нужно было бы пройти мимо наружной двери. Уже выйдя из кухни, я дернулся было в ту сторону, но остановился, не зная, что делать. Я лихорадочно стал соображать, но там уже открыли дверь. Я еще раз дернулся в ту сторону, но сейчас же махнул рукой и на цыпочках побежал в ванную. Пробравшись туда, я сел

на табурет, притаялся и стал ждать.

"Кто бы это мог быть? — подумал я. — Если это Антон Иванович то он сейчас пройдет мимо ванной и закроется в своей комнате. В этом случае я тихонько выскользну из ванной и пройду к себе. В этом случае у меня будет время, потому что Антон Иванович забирается всегда надолго: он читает старые газеты. У него огромная библиотека старых газет, просто уникальная библиотека. Если же это Клавдия Михайловна... Клавдия Михайловна, не заходя в свою комнату, прямо пойдет на кухню, а мимо кухни мне не промигнать. Да и если бы Клавдия Михайловна даже сразу ушла в свою комнату, что вряд ли может случиться, то и это мне бы не помогло. Потому что мне придется красться мимо ее двери, а у нее очень тонкий слух, она только притворяется, что глухая. На самом деле она не глухая. Не знаю, зачем она притворяется глухой: видимо, из осторожности. Да, пройти мимо комнаты Клавдии Михайловны рискованно. Я, конечно, не боюсь рисковать, потому что риск — благородное дело, но все-таки неприятно."

Разговоров никаких не было слышно. Я понял, что это не Антон Иванович, это Клавдия Михайловна. Плохо! Потом я услышал, как на кухне льется вода, и уверился, что это точно Клавдия Михайловна.

"Очень плохо! — подумал я. — Что же мне, так и сидеть в ванной? Это ведь неизвестно еще, сколько придется просидеть: может быть, час или два. Ничего себе — воскресенье!" — подумал я.

Мелькнула еще нелепая мысль о том, что, может быть, мне плюнуть на все и выйти из ванной. Выйти да и выйти как ни в чем не бывало: пройти мимо кухни с полотенцем на плече — мол умывался. А что, не имею права? Да, пройти мимо кухни, поздороваться, будто ничего особенного. Может быть, даже выйти на кухню и поставить чайник. А что? Войти, поздороваться: "Здравствуйте, Клавдия Михайловна!" А потом поставить чайник. Поставить на газ и уйти к себе в комнату, будто по делам. Что ж у меня — и своих дел не может быть? Могут. По-моему, могут.

Но я сейчас же отогнал эту безрассудную мысль и стал придумывать способ спасения.

"Та-а-ак, выйти, значит, нельзя- это отпадает. Ада, пока она уйдет? Она не уйдет. Сидеть здесь и ждать, когда она зачем-нибудь пойдет в комнату? Но может быть, она прежде пойдет в ванную: ей здесь может что-нибудь понадобится, в ванной: ну там, полотенце или стиральный порошок.. Я же не знаю, что ей может здесь понадобится."

Тут я как раз услышал ее приближающиеся шаги. Так и было: она шла сюда.

- Вот накликал! - прошептал я себе. - Что делать? Если она удивится, рванет? Брычок слабый...

Я быстро встал, шагнул к двери и взялся за ручку.

"Держать? - глупо".

Так и есть: дверь легонько дернулась.

- Антон Иванович, это вы? - спросила Клавдия Михайловна из-за двери.

Я подумал, что может быть буркнуть ей, что да, это я?

- Антон Иванович, вы?

Я молчал. Она опять дернула за ручку. Я держал, стараясь и не тянуть дверь на себя, и в то же время не отпускать. Тут же до меня дошло, что раз ванная запирается только изнутри, Клавдия Михайловна все равно догадается, что там кто-то есть, - но все пути назад уже были отрезаны: я как Раскольников стоял у двери. В третий раз она потянула совсем слабо, а потом на ципочках стала отступать по коридору. Я этого не видел, но слышал, как осторожно скрипят половицы. Видно, она испугалась. Потом я услышал, как она побежала. Где-то далеко распахнулась входная дверь, и стало тихо.

Я вышел из ванной, погасил свет и, проходя мимо кухни, увидел, что там ^{горит свет} ~~но~~ я не стал его выключать, потому что тогда уж Клавдия Михайловна окончательно поняла бы, что кто-то был. Я быстро прошел в свою комнату и запер дверь на ключ. Я упал на кровать. Потом я вскочил и вытаскивал ключ из двери: я подумал, что ну как они заглянут в замочную скважину, увидят ключ и поймут, что я внутри.

Я в изнеможении сел на кровать.

Но вдруг они посмотрят в шкафчику и увидят меня там-что тогда?

"Надо не появляться в их поле зрения,- подумал я,- значит надо... Надо определить это поле",- сказал я.

Я начертил сектор. Сначала мысленно, а потом для верности провел две расходящиеся полосы кусочком портновского мела, который лежал у меня на этажерке. Не знаю, зачем он там лежал, но сейчас мне это пригодилось. Начертив полосы, я стал у кровати и стал ждать: они вот-вот должны были прийти.

"Сначала они пойдут в ванную,- думал я.- Сходят в ванную, увидят, что там никого нет, и заглянут в уборную, но и там никого не увидят. Потом пойдут на кухню- и там никого. Тогда пойдут в коридор, постучатся к Антону Ивановичу, к Александре Константиновне и к Ивану Ивановичу, потом добровольно обыщут комнату Клавдии Михайловны, а уже после этого будут стучаться ко мне."

Послышались голоса и шаги- и я прекратил рассуждения. Я, правда, не велух рассуждал, а про себя, но тут я на всякий случай и это прекратил,- я притаился. Но шаги и голоса удалились. Как я и предполагал, они пошли в ванную. Думаю, что в ванную. Я немного расслабился. Так я некоторое время постоял, опираясь на спинку кровати, а потом подумал, что мне, наверное, лучше лечь и лежать, но тут шаги послышались снова, а вместе с ними и голоса. Они приблизились к моей двери и остановились. Несколько секунд все было тихо. Я стиснул рукой спинку кровати и замер.

- А мы уверены, что кто-то был?- раздался за дверью мужской голос.

- Да как же!- ответил обиженный голос Клавдии Михайловны.- Я тяну-тяну, а он держит, и хоть бы что.

- А не звали?- это другой голос, женский.

- Да как же! Я же говорю, что говорю: Антон Иванович!- а он держит. Сопит и держит.

"Неужели я сопею?"

- А вам не показалось все это, Клавдия Михайловна? -
Снова спросил мужской голос.

- Да как же! Ведь он сонит. Я ему: Антон Иванович! -
а он сонит. Я подумала: может, грабитель? Я же здесь одна.

- А тут нет? - опять спросил мужской голос, и сейчас
же постучали.

Я затаила дыхание и следил за собой, чтобы не сонеть.
Постучали опять. Я почувствовала слабость.

"Если я сижу на кровати, - подумал я, - она заскрипит.
Здесь такие пружины, - подумал я, - непременно заскрипит.
Тогда - конец. Тогда они взломают дверь, а тогда - конец.
Нет, надо держаться."

- Нет, никого тут нет, - сказал мужской голос. - Во
всей квартире нет никого, а если был, так ушел. Посмотри-
те, Клавдия Михайловна, у вас там ничего не пропало?

- Да как же! - опять запричитала Клавдия Михайловна. -
Чему же тут пропадать? На кухне ничего нет, а у себя я и
дверь не открывала: как пришла, так и не заходила.

- Вы все-таки посмотрите, - ласково сказал мужской
голос, - вдруг что пропало, так мы поднимемся.

Удалились торопливые шаги, видимо, Клавдии Михайлов-
ны; а мужской голос сказал:

- Не было никого. Так она... Боятся. Все-таки одна
в квартире, вот и боятся. Кажется ей.

Снова приблизились шаги. Голос Клавдии Михайловны
сообщил, что все на месте.

- Ну ладно, Клавдия Михайловна, мы пойдем, - сказал
мужской голос, - пойдем потихоньку. Вы, если что, позови-
те. А мы пойдем.

Наконец-то, ушли. Я опустился на кровать.

Первая опасность миновала - и я вздохнул. Сначала
я, конечно, обрадовался, что мне так легко удалось отде-
латься, но чувство облегчения скоро прошло, потому что
в общем ситуация была довольно неприятной: я оказался
запертым в собственной комнате, не имея возможности вый-
ти, чтобы поставить чай, ни включить радио, ни даже са-
мому с собой от скуки поговорить. "Хитину дяди Тома"

без чая читать тоже не имело смысла. Я хотел было заку-
рить, но тут же подумал, что Клавдия Михайловна учует за-
пах дыма— нюх у нее такой тонкий, как и слух,— вообразит,
что у меня в комнате пожар, и опять побежит за соседями,
а тогда уж не миновать беды. Позовут водопроводчика, от-
кроют дверь— я раз видел у него вот такую связку ключей,—
увидят меня в комнате— и тогда... что— тогда, легко мож-
но себе представить.

Значит, я должен тихо сидеть у себя в комнате и ждать
, пока придет Антон Иванович, а он придет последним, пото-
му что прежде придет Александра Константиновна, а потом—
Иван Иванович, а Антон Иванович придет последним— он все
делает вид, что у него много дел. Вообще-то Антон Ивано-
вич крупный мужчина, только вот имеет странную манеру но-
сить морскую фуражку. Еще был бы моряком, тогда было б
понятно. Моряком или железнодорожником... Однако до при-
хода Антона Ивановича выбраться отсюда нечего было и ду-
мать. Я уже начинал ненавидеть свою комнату. Это правда:
находишь ты в самом приятном месте— и там хорошо, но ес-
ли там нельзя оттуда выйти, ты будешь это место ненави-
деть. Я прежде всегда любил свою комнату: она казалась
мне самым безопасным местом. По сравнению например с ули-
цей или саваной... А кроме того, она очень уютная: в ней,
конечно, нет дорогостоящей мебели под старину или там кар-
тин,— но зато я давно в ней живу и знаю, где что лежит.
Да, она всегда в целом казалась мне уютной. А теперь она
вдруг, в один момент, оказалась неуютной и сразу превра-
тилась в западню,— вот как меняют человека обстоятельства.

Я встал с кровати и на цыпочках подошел к окну. Бы-
ло еще всего лишь часов двенадцать по московскому време-
ни, но солнце уже куда-то делось, и на крыше флигеля уже
не чирикали воробьи. Глядеть на холодный пустой двор
было скучно, да еще я подумал, что меня могут заметить из
флигеля и отошел от окна. Я посмотрел на часы: до возвра-
щения Антона Ивановича было еще далеко. Я решительно не
знал, как скоротать время.

"Может быть, поспать?"

Но я выспался. Неожиданно пришла мысль: а что если я кое-куда захочу? Я сразу же вспотел от этой мысли.

"Вот ведь незадача!" — подумал я. — А главное, стоит о чем-нибудь подумать, как тут же и захочется."

Я сел на стул.

— Ладно, потерплю, — подумал я, — а если будет невозможно, постараюсь поспать. Во сне время идет быстро."

Но меня прямо-таки начало корчить. Живот так сильно разболелся, что я не мог нормально сидеть. Боль стала острой, стреляла снизу вверх и еще резала поперек живота, как бритва. Я прижал руку к животу и, согнувшись, зажал ее между животом и коленями. Когда я сильно наклонялся, это помогало, но стоило мне выпрямиться, и все начиналось снова. К тому же от выпрямления у меня сразу же начинала кружиться голова, а рот наполнялся слюной.

"Наверное, это от голода, — предположил я, — а может быть, я отравился."

И я стал думать, что я отравился.

"Чем же я мог отравиться? — подумал я. — Может быть, я вчера отравился рыбой в столовой? Да, рыба была какая-то подозрительная. И название у нее тоже было подозрительное, только не могу точно вспомнить, какое. Во всяком случае, иностранное. С этой иностранной рыбой лучше не связываться — кто ее знает, где она плавала."

"Да дело не в рыбе! — рассердился я. — Дело в Антоне Ивановиче, в том, что он не идет, а из-за него и мне теперь нельзя появиться, из-за него и из-за этой глупой ванны. Вот так и умру и никто спасибо не скажет, — подумал я. — Ну почему, спрашивается, я должен мучиться только из-за того, что он не идет?"

Потом я разозлился уже и на Клавдию Михайловну за то, что она не уходит с кухни.

"Ну что ей делать на кухне целый день? Почему бы ей не пойти в комнату или погулять? Могла бы пойти в комнату отдохнуть, почитать что-нибудь — ведь сегодня воскресенье в конце концов. Просто похоже, что она специально подкарауливает меня."

Возмущение росло во мне, но я все никак не мог ре-

ниться. Я произнес еще немало гневных слов, прежде чем сумел заставить себя выйти на кухню выложить Клавдия Михайловна все, что накопилось.

- Ладно,- наконец сказал я,- довольно! Черт с ним и будь что будет!

Я открыл ключом дверь и вышел из комнаты.

На кухне сильно пахло бельем, которое вываривают, потому что Клавдия Михайловна вываривала белье. Она обернулась на мои шаги.

- Как хорошо, что вы дома!- сказала Клавдия Михайловна.- Я думала, что вас нет дома. Вы спали?

- Да, я спал, Клавдия Михайловна,- сказал я и не знал, что еще сказать, так как мне казалось, что Клавдия Михайловна на меня смотрит. Она, и в самом деле, смотрела на меня, но я вдал, что она меня еще о чем-нибудь спросит, а она не спрашивала, только смотрела, так что мне в конце концов стало неловко. Но тут Клавдия Михайловна попросила меня помочь ей снять с плиты бачок с бельем, и я обрадовался этому как выходу.

- Конечно-конечно, Клавдия Михайловна,- с радостью воскликнул я,- с радостью!

Я схватил бачок и, напрягшись, снял его с плиты на пол, а выпрямившись, снова не знал, что делать,- Клавдия Михайловна стояла по другую сторону бачка и опять смотрела на меня. Это, конечно, получилось случайно, просто потому, что Клавдия Михайловна подошла к бачку, но мне опять было неудобно. Когда я уже отвернулся, чтобы идти к окну, Клавдия Михайловна в затылок мне сказала:

- Спасибо!

- Да что там, Клавдия Михайловна!- сказал я, пожимая плечами и не оборачиваясь.

Я подошел к окну и стал гладить кота, который там по-прежнему находился. Он встал, подставил мне свою спину. Мне больше нигде не хотелось и злость прошла, но теперь мне было неудобно и совестно перед Клавдией Михайловной. Механически поглаживая кота, я думал, как мне выйти из этого неудобного и затруднительного положения.

- Вы знаете, я сегодня так испугалась! - вдруг сказала за моей спиной Клавдия Михайловна.

Моя рука остановилась на жесткой спине кота и шея заболела от напряжения. Я заставил себя с заинтересованным лицом обернуться. Клавдия Михайловна стояла опять близко, держа обеими руками какую-то чистенькую тряпочку.

- Испугались? А что такое? - спросил я как мог равнодушно.

Кот, срыгнув с окна и задев меня поднятым хвостом по ноге, прошел к двери. Я проследил за котом и опять спросил:

- Испугались? А что такое?

- Испугалась очень, - сказала Клавдия Михайловна и глядела на меня, не закрывая рта.

- Да? А что?

- Да как же? - сказала Клавдия Михайловна. - Я, как жар вернулась из магазина, пошла в ванную бачок взять с бельем: пошла - и вот.

- Да-а?!

- Я и говорю: пошла - а там... - Клавдия Михайловна смотрела на меня.

- Да, Клавдия Михайловна!

- Он не открывает, - непотом сказала Клавдия Михайловна.

- Кто? - спросил я и сам удивился хриплости своего голоса.

- Не знаю, - прошептала Клавдия Михайловна, - не знаю. Я сама думала: Антон Иванович. "Антон Иванович!" - говорю, - молчит. Только сонит. Молчит и сонит, - сказала Клавдия Михайловна, - сонит и молчит. И еще держит. Я тяну, а он держит. И сонит. Вот я и испугалась. А?

- Ну и... что оказалось, Клавдия Михайловна, - спросил я, чувствуя, что я сейчас уже не смогу смотреть ей в глаза.

- Да ничего, - сказала Клавдия Михайловна, - так и неизвестно.

Я с облегчением вздохнул.

- Я так испугалась, - продолжала Клавдия Михайловна, -

убежала, людей привела. Что под нами, однорукие, знаете? Вот их и привела. А в ванной уже никого не было. Никого и не было — вот так.

— Ну и ну! — сказал я.

— Ага, — сказала Клавдия Михайловна, — мы тоже все проверили и к вам постучали. Не слышали?

— Нет, — сказал я опять равнодушно, — я спал. Вот только сейчас проснулся и сразу же — на кухню. Да, Клавдия Михайловна.

— Надо же! — сказала Клавдия Михайловна. — Кто же это мог быть? А то, может, вы? — снова спросила Клавдия Михайловна.

— Нет, — нет. Что вы, Клавдия Михайловна? Мне зачем? Мне не нужно, — сказал я, — я спал. А вот сейчас проснулся и сразу на кухню. Я всегда так. В ванную я всегда уже потом хожу. Зубы почистить или еще зачем-нибудь. А так всегда на кухню.

Клавдия Михайловна смотрела на меня и слушала.

— Я, Клавдия Михайловна, на кухне чай завариваю — я по утрам чай пью. В ванной я умываюсь. Но уж потом, перед чаем. То есть я сначала ставлю. Ставлю чай. На кухне. Потом я умываюсь и зубы чищу, а уже потом завариваю и пью — я почувствовал, что вот-вот начну краснеть, — я его завариваю, а потом пью. Я и сейчас вышел, чтобы заварить, то есть, чтобы поставить, а потом я заварю. И как удачно получилось, Клавдия Михайловна: вышел на кухню — а вы тут.

Однако, я чувствовал, что она сомневается. Мне показалось, что я, несмотря на свои объяснения, начал краснеть. Я пошел к плите и поставил чайник на конфорку. Потом я немного потоптался и вышел. Я вернулся к себе в комнату, сел и закурил.

— Ой, как это! — с досадой сказал я и стукнул по столу кулаком. — Как неприятно! Ну что она теперь подумает? Ведь она от страха может черт знает что вообразить. И пошло-поехало, началось. А в сущности, из-за чего? Да не из-за чего — из-за пустяка: из-за какого-то ничтожного, недостойного внимания, пустяка. О, черт!

Потом я пил чай, пытался читать "Хижину дяди Тома",

но мне не читалось: я все припоминал, как я лягал Клавдии Михайловне, — не проговорился ли я где-нибудь?

— О-о-о! — вскричал я и схватился за свою голову. — Я же не пошел в ванную, как я говорил. Как я ей говорил. Я же поставил чайник — и все. Заварил — все. А теперь нет. А в ванную так и не сходил. Говорил, что хожу, и не сходил. Она, конечно же, наматывает это на ус и будет подозревать.

"Что там! — она и так мне не верит, — думал я, — и так подозревает — это видно по всему. И бачок снять она попросила меня не зря: может быть, ей хотелось посмотреть, не дрожат ли у меня руки. Да, если бы она верила, она бы не спросила меня, что, может быть, это я, — не верит. Конечно, у нее никаких доказательств нет, но она не верит. Теперь она всем расскажет, и пойдут слухи, и все станут на меня косо поглядывать. О, как это неприятно, когда на тебя косо смотрят! Это ужасно неприятно — лучше бы убили!

Этот Антон Иванович будет проверять, будет следить, да и остальные тоже станут шептаться. Да еще было бы из-за чего, а то ведь так.

Да черт возьми! — в конце концов подумал я. — Да что мне за дело: верят они мне или не верят! Какая мне разница? Ну и пусть себе не верят."

Тем не менее, оставалось какое-то беспокойство и оно росло и росло, и от этого беспокойства я все больше курил, и когда в комнате уже нечем было дышать, я увидел, что у меня кончились сигареты. Я открыл форточку, чтобы проветрить, и пошел в магазин, а когда я возвращался, уже на лестнице меня догнал Антон Иванович.

— Домой? — крикнул мне снизу Антон Иванович и догнал меня.

Я только кивнул ему — мне не хотелось ему ничего объяснять. Мы вместе вошли в квартиру, но он пошел направо, к себе, а я к себе, налево. Я опять сел на кровать, но мне уже и курить не хотелось, до того я был угнетен.

— Как плохо! — сказал я вслух. — Как неудобно все получилось! И перед Клавдией Михайловной особенно неудобно. "Вот тебе и воскресенье!" — грустно подумал я.

В дверь постучали, и сейчас же просунув голову Антон Иванович. Был он в неизменной своей морской фуражке с желтой кокардой и чисто выбрит.

- Можно войти? - решительно спросил Антон Михайлович.
- Не помешает? Я - посидеть.

Я вскочил с кровати:

- Входите, Антон Иванович! Вот - садитесь, пожалуйста, на стул. Не хотите ли сигарету? У меня хорошие.

Мне было неудобно и от этого я хлопотал.

- Нет, благодарю вас, - чопорно ответил Антон Иванович, - я только посидеть, - он уже сидел на стуле. - Садитесь, - сказал Антон Иванович, - что вы стоите? Так нехорошо - гость сидит, а хозяин стоит.

Я сел напротив него на кровать. Антон Иванович сидел прямо, спокойно, уверенно, упершись руками в колени и требовательно глядя на меня. Я твердо выдержал его взгляд. Правда, я потом все-таки опустил глаза, а опустив глаза, я увидел на полу расходящиеся меловые черты.

"Ой-ой-ой!" - подумал я.

"Ой-ой-ой!" - подумал я. Как же это я?"

"Ой-ой-ой!" - в третий раз подумал я. - Как же это я забыл?"

Я подумал, что надо ни в коем случае не дать Антону Ивановичу заметить эти линии.

"Ведь это самая главная улика, - подумал я, - ведь он же тогда все поймет. Он страшно сообразителен, этот Антон Иванович, - подумал я, - он ужасно проницателен и он не зря пришел."

Я лихорадочно думал, как мне отвлечь внимание Антона Ивановича от меловых линий, как мне не дать ему посмотреть на них.

"Надо срочно, немедленно о чем-то заговорить, - думал я, - срочно заговорить! О чем-нибудь таком: веселом или интересном, или, на худой конец, занимательном... Может быть, рассказать ему анекдот? - подумал я, но тут же отверг эту мысль. - Антон Иванович не любит анекдотов, - подумал я, - он не понимает их. Он серьезный человек,

Антон Иванович, — ему надо что-нибудь серьезное, что-то важное или научное: какое-нибудь сообщение из газет, или случай; что-нибудь из международной жизни или политики; может быть, из жизни животных... нет."

Я чувствовал, что совершенно не могу говорить — в горле пересохло.

Я поднял глаза на Антона Ивановича и увидел, что Антон Иванович смотрит себе под ноги. На меловую черту.

"Смотрит, — подумал я, — поздно."

Я опять уставился на линию. Так сидел и смотрел — у меня не хватало духу поднять глаза. Когда я все же набрался духу и поднял их на Антона Ивановича, Антон Иванович снова смотрел на меня. Так мы довольно долго смотрели друг на друга: я все смотрел на Антона Ивановича, а он все на меня смотрел, и все время мне казалось, что он читает в моих глазах.

— Я посижу, — сказал Антон Иванович, не отрываясь от меня взглядом, — я пойду.

Я молчал.

Антон Иванович встал и немного постоял молча, как будто собираясь что-то сказать.

— Я у вас в прошлое посещение оставил свой носовой платок, — сказал Антон Иванович. — Вот он, на подоконнике лежит — я заберу.

Он подошел к окну, взял с подоконника скомканный платок и стал смотреть во двор.

"Хоть бы скорей ушел! — пожелал я. — Хоть бы не тянул душу!"

Он повернулся и пошел к двери. Уже открыв дверь, он остановился.

— Что это у вас? — спросил он, направив свой палец на меловые линии.

— Это... Это демаркационная линия, — нашелся я. Я задержал дыхание.

Антон Иванович нестороженно на меня посмотрел.

— Демаркационная линия бывает одна, — строго сказал Антон Иванович, — а здесь две линии.

Он еще раз посмотрел на меня и вышел.

Уличенный, я смотрел на дверь, которую закрыл за собой Антон Иванович. Мне стало жалко себя. Было совершенно очевидно, что Антон Иванович мне не верит. Было ясно, что он мне не доверяет, даже, пожалуй, подозревает меня: не зря же он тут сидел? И все-таки прочел он что-нибудь в моих глазах или нет? И главное, что он ничего не говорит: вот сказал, что это не демаркационная линия, а какая, не сказал. О, он тонкая штучка, Антон Иванович! Он очень хитер. И этот носовой платок... Ведь этот носовой платок, может быть, только уловка. Тонкая уловка, чтобы ко мне войти. Вообще этот Антон Иванович очень опасен: он на все способен.

Я очень устал. Я опустился на колени и стал руками стирать меловые линии, прекрасно понимая, что уже поздно, и этим ничего не исправить.
